

УДК 11

DOI: 10.34670/AR.2021.63.24.003

**Корреляция проживаемого времени и пространства с
дисциплиной мышления, чувствования и переживания в
эволюционистском дискурсе**

Кянганен Кирилл Вячеславович

Магистр философии,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: Kirill.kyanganen@gmail.com

Аннотация

В статье представлены анализ и оценка влияния эволюционистского дискурса на формирование представлений о нормальном проживании переживания и целенаправленном воздействии на ненормальных путем исключения и вынесения их патологического восприятия времени и пространства за границы жизни. Нормативный характер здорового проживания времени находит отражение в концепции деятельности, описываемой автором в качестве проективной идентификации с объективной действительностью и компульсивной потребности ее активного преобразования. Эволюция и хронология отождествляются. Позитивная obsesия, отвечающая за развитие социальных интеракций, проявляется главным образом через стратегию существования и сообщения. Создаемое человеческим сообществом коммуникативное пространство градуирует дисциплину мышления, чувствования и переживания, распределяя жизненный потенциал индивида в соответствии с требованиями Другого. В итоге сообщение превращается в круговую отсылку. Причина подобного перманентного динамизма видится в изначальном чувстве уязвимости и беспомощности, вызванном страхом смерти. На основании изложенного выдвигаются два утверждения: 1) цель нормальности – изгнать противоречие, отсюда – ее неспособность понять и принять иные фундаментальные структуры существования; 2) коммуникативные системы, развитые в дискурсивном сообществе, служат обеспечению эволюционной аргументации. Делается вывод о том, что основной механизм, используемый эволюционным дискурсом против душевнобольных, заключается в обесценивании их переживания. Он базируется на двух априорных синтезирующих принципах: временной непрерывности мышления и последовательности поступка, которые в совокупности выражают природу здорового проживания переживания.

Для цитирования в научных исследованиях

Кянганен К.В. Корреляция проживаемого времени и пространства с дисциплиной мышления, чувствования и переживания в эволюционистском дискурсе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 2А. С. 178-193. DOI: 10.34670/AR.2021.63.24.003

Ключевые слова

Экзистенция, эволюция, время, пространство, бытие, патология.

Введение

В предыдущей статье «Эволюционистский дискурс в феноменологии переживания времени и пространства ненормальных» мы пришли к следующим выводам:

- 1) здоровый, нормальный индивид черпает онтологическую уверенность в ощущении непрерывного существования собственной автономной индивидуальности. Стало быть, историческая пространственно-временная связанность опыта обосновывается динамической структурой его деятельности;
- 2) подобные формы самогарантирующегося переживания целостности психического приносят чувство безопасности, внутренней умиротворенности, доверия к миру;
- 3) устойчивость, стойкость и последовательность переживания времени возникают благодаря эволюционным законам – овеществленным проекциям человеческой психики, которые возвращаются к их первоначальным носителям, создавая эффект «независимой» цикличности происходящего.

Таким образом, объективные условия существования поддерживаются отсылками к Другому (коммуникация) и служат в качестве отраженных образов упорядоченных объектов, продуцирующих чувство безопасности, вызываемое погруженностью в бытие. Мы говорим о феномене, близком к проективной идентификации коллективной фантазии с объектной действительностью. Понятность, относительная прозрачность мыслей и чувств для Другого, рациональная интуиция, нацеленная на активное преобразование окружающего становления, организуются в тотальность опыта нормального человека: «Нам всего лишь нужно быть в согласии... с самим собой и с жизнью в целом. Мы точно знаем, что должны сделать, хотя и не в состоянии ничего четко сформулировать; это и превращает нашу деятельность в нечто... [состоящее] из наивысших ценностей, за пределы которых мы не можем выйти» [Минковский, 2018, 93].

Как мы видим, эмоциональный комфорт обеспечивается согласованностью разумного порядка. Дисциплина мышления сопрягается с сиюминутной органической потребностью, ложится в конститутивную основу изначальной структуры переживания. Получается, синхронизм, вскользь упоминаемый в работах Э. Минковского, – это ключевой фактор здорового восприятия действительности. Поскольку фундаментальный феномен утраты витального контакта вынуждает ненормального заполнять экзистенциальные лакуны, так называемые пробелы на «семантической карте», он устанавливает новые значения через символику, элиминируя путем компенсации пустое временное пространство, не связанное четкой предметностью. Так появляется подобие нормального ориентирования в мире. Сознание больного разорвано с витальным источником, поэтому он прибегает к одной из доступных ему форм адаптации, чтобы обеспечить себе самосохранение в отвергающем его обществе. Он борется за место в нем, выступая против собственных тенденций к отчуждению и изменению, параллельно и отчуждаясь, и изменяясь, ибо сам по себе, в отрыве «от» социального, душевнобольной, как и многие нормальные люди, не имеет на то ни безусловных сил, ни возможностей. Он берет на себя обязательства выйти за пороги, переступить черту общедоступного и известного к потаенным сокровищам бессознательного откровения. Новому

свету, затемняющему «реальное». Ненормальный может оступиться (невроз), заблудиться в распадающемся переживании пространства (психоз), но после возжелает приникнуть к истоку своих намерений. Однако ему мало аудиовизуальной уверенности, его «Я» недостает онтологической укорененности, вследствие чего он пробует заранее предвидеть, куда направлена его интенция. Эта потребность в предсказании, замещающая аналитическую способность, приводит душевнобольного к довольно неоднозначным выводам. Перескакивая этап логической аргументации (например, в диалоге с Другим), он шествует напрямую от тезиса к демонстрации, игнорируя бремя доказательства, обсессивную тягу обоснования экзистенции, либо, наоборот, ведет себя патологически рационалистично¹, антигуманистично или в высшей степени аффективно. Ложная аналогия, смешение свойств, неправильная ассоциация... Ошибки в теоретической аргументации не вызывают ощущения заботы о бытии, языке как хранилище истории и доме. Ненормального притягивает полисемия, ризоматическая неожиданность. Естественно, взгляд клинического наблюдателя улавливает готовые паттерны поведения. Многие из них описываются по аналогии с рекуррентными расстройствами. Обобщая «симптомы», профессиональный оператор сознания устанавливает сходство образа действий больного с рядом психиатрических синдромов. Как указывается дисциплинарным актом, в некоторых случаях речевая активность ненормального мешает реституции подлинного состояния сознания, восходящего к прошлому, до-болезненному опыту легитимного течения событий и их пространственной расположенности. Проживаемый опыт, упорядочивающий мышление, конституирует постоянство переживания. Каждое волеизъявление, вещь, мотив наделяются временными границами, фактичностью существования. Живой динамизм и состоит из сцепления прошлого с будущим через настоящее. Как было указано в предыдущей статье «Эволюционистский дискурс в феноменологии переживания времени и пространства ненормальных»: «такие обособленные подразделения, как темперамент, характер и личностная структура, переплетаются в стойкую психическую деятельность ядра личности... [там] концентрируется психическая энергия, синтезирующая “реальные” потребности, врожденные свойства и общественные требования с запретами, которые нередко отождествляются с “принципом реальности”. Она высвобождает видимую гибкость в отличие от пластичной оболочки: комплекса психологических защит, интерпретаций проживаемого опыта, проекций и т. п., искажающих и манипулирующих миром».

Именно извращенное понимание бытия приводит больного к грани между разумом и безумием. Он неспособен на *sacrificium intellectus*, его разбухшее Эго упорствует и достигает уровня патологического рационализма. Это крайняя степень отрицания витализма и творческой эволюции, подавление языкового дискурса. К кому, как не больному, применимо определение Р. Барта «смерть автора»? Психология ненормального подотчетна тирании однозначного толкования ввиду господствующего над ним молота психического расстройства. Его деяние, творчество – сплошная деструкция смысла. Ему недоступна устойчивая самоидентификация. Ненормальный умер, распался, его целостность нарушена, остаточные фрагменты психической продукции неудачно интегрируются в расколотое сознание, конфликтуя с реальностью. Таково наше понимание патологического предощущения смерти. Однако, в не меньшей степени проблематика конца жизненного пути служит ориентиром при определении промежуточных границ нормы и патологии. Как будет показано ниже, страх смерти является одним из главных

¹ Это не исключает параллельного опыта магического мышления.

обоснований эволюционной логики существования. Взглянем на одно из прозрений «циклоидной» конституции: «простое ожидание неизменно связано с сильной тоской; это всегда волнующее ожидание... потому что оно представляет собой временное прекращение деятельности, которая, по сути, является самой жизнью. Иногда, без... причин, нас посещают образы смерти: смерть нависает над нами во всем ее разрушающем могуществе... тоска и страх сжимают нас как тиски; совершенно обессилив, мы ждем фатального краха, на который сами себя беспощадно обрекли» [Минковский, 2017, 111].

Поэтому А. Лэнгле выделяет несколько уровней мотивации, первый из которых состоит в принятии мира, а последний завязан на вопросе «Что я должен делать?». Наполнение бытия смыслопорождающей активностью, актуализацией становления трансформируется в главную задачу по разрушению избыточной психастенической рефлексии и сопряженных с ней «заблуждений». Мы можем понять это инстинктивное стремление ухватиться за вечное становление, продуцирование значений, инноватику, но из этого совершенно не следует признание его абсолютной, «подлинной» ценности. Ощущение тщетности, опустошенности (в клиническом значении «неврастения» или шизоидный голод) знакомо переживающему бесперспективность нормальному Минковского, созвучно ему, пока тот, уставший, измотанный, открывается бессознательному. Однако он впадает в ступор, яркое отрицание, едва речь заходит о тождественности с ненормальным: «Если некоторые формы коллективной жизни первобытных людей развивались под руководством тех же принципов... мы все равно не можем признать, что в случае наших больных речь идет о действительной регрессии или о возрождении древних пластов предков, и тем более о том, что наши предки в обязательном порядке должны были пройти через те же формы коллективной жизни... Мы все еще достаточно часто склонны рассматривать навязчивые идеи наших больных как их действительные убеждения» [Минковский, 2018, 305]. Тем не менее он допускает следующее: «очень похожие чувства мы испытываем в моменты уныния и слабости. Возникает мысль о смерти» [Там же, 217]; «Синтетическая картина времени распадается, превращается в последовательность однообразных дней, монотонно протекающих в безграничной тоске» [Там же, 218]. Тоска – одна из важнейших экзистенциальных категорий. Она не просто оттенок фундаментального настроения, присущий обыденному, «не-подлинному» переживанию, а признание своей не-совершенности, отложенное «да» и «нет», тихое отчаяние от визуализации схематики жизни, недостижимость важного и участия в этом важном. Тоска – подоснова существования, дискредитация логоцентризма в поисках надмирской заповеди. Диффузная по своей локализации, она не имеет прямых связей с физиологическими ощущениями и проявляется чувством стеснения суетностью, немотивированного страдания. Один из ее аспектов – невозможность примирения с текущим, ускользающим из рук временем, переживание существования как неприемлемого, безальтернативного бытия: «Смысл ее [картины мира] существованию придает именно направленность... в будущее. В тот момент, когда эта направленность ослабевает, все кажется однообразным, глупым, не имеющим никакого смысла; возникают вопросы: "Почему так происходит? С какой целью?"» [Там же, 339]. Как же нормальный индивид избавляется от бремени самоопределения, от невыносимого, давящего воздействия вещей? Его последний бастион – хрупкая надежда. «Надежда освобождает нас от мучительного ожидания» [Там же, 125], невзирая на то, что она одна из самых грозных казней (Камю). Схожую манеру поведения и психическую установку прекрасно высказал Дж. Кэмпбелл, соблюдая нейтральную, феноменологическую стилистику наблюдателя: «Мы проходим полный цикл, от могилы лона к лону могилы... И, оглядываясь на то, что обещало

быть нашим неповторимым, непредсказуемым и опасным приключением, мы видим: все, чем мы будем обладать к концу пути, – это ряд стандартных метаморфозов, таких же, через которые прошли все мужчины и женщины, во всех уголках мира, во все известные времена и под любой самой невероятной маской цивилизации» [Кэмпбелл, 1997, 24].

Нормальная жизнь составляет стандартную череду переживаний и перерождений, репродуктивной способности памяти, одухотворенной защитным фантазированием. Оберег жизни – это движение. Холодный же, непреднамеренный разум – олицетворение потустороннего, жуткого мира теней патологического рационализма и дезорганизации витальной основы. Л.И. Шестов называл подобную преемственность и покорность очевидности, феноменологической «данности» здорового человека властью всемства. Однако, если мы говорим о «ненормальных состояниях», недопустимо обесценивать атипичное проживание и восприятие в угоду другим феноменам, например, будущего или настоящего. Надо помнить условность их разделения на самостоятельные структуры переживания, чтобы случайно не превратиться в классическую фигуру контролера языка клинического описания, чья социальная роль состоит из навязывания обязательного существования «неустранимых конфликтов», связанных с тем или иным событием прошлого, поэтому оно якобы и не становится «подлинно» достоянием прошлого, а замещает «реальность», хотя дело может заключаться в банальном ослаблении эмоциональной окрашенности событий прошлого, деаффекации настоящего, требуемого значительного периода реструктуризации переживаний, возможно, превосходящего продолжительность обыденной жизни и не обязательно включающего в итоге логически «понятную» и упорядоченную структуру. Как мы выяснили, в основе всего вышеперечисленного обесценивания «симптоматики» эволюционной идеологией лежит элементарнейшая, навязчивая гипотеза о полезности. Динамизм – ее составная часть. Так, Минковский, рассуждая о прошлом, говорит: «Очевидно, мы можем сожалеть только о том, что уже произошло, однако любое сожаление, если оно не хочет показаться бесполезным, содержит в себе "лучше было бы...", которое необходимо, чтобы повлиять на наше дальнейшее поведение либо зародить в нас надежду, что в другой раз все произойдет иначе» [Минковский, 2018, 189].

Казалось, экзистенциальный анализ стремился установить мосты понимания, на самом же деле производился радикальный разрыв, не допускающий и малейшего совпадения в онтологической ценности нормального и ненормального, следовательно, признания за последним автономного бытия. Один расположен под бредом воздействия, автоматичен (психические автоматизмы), стереотипен, другой свободен, независим, т. е. жив. Здесь было бы интересным увидеть в ближайшем будущем работы о месте и значении феномена анозогнозии в современной нормативной культуре.

Основная часть

Мы с осторожностью допускаем устойчивую обсессивную тягу к изменчивости мысли в «нормальной» установке, а также компульсивную потребность в активности². Обсессия и компульсия взаимодополняют друг друга в общей концепции деятельности, существования как деятельностного бытия. Это инактивное сознание, замышляющее рациональный проект

² Два синтезирующих принципа – временная непрерывность мышления и последовательность поступка – выражают природу здорового переживания.

индивида. Исходная ситуация бытия-в-мире не учитывается. Вернее, сопоставление проводится в отрезке «здесь и сейчас», однако бытие-в-мире отсылает к изначальности – той изначальности, которую очерчивает детский дискурс, ориентированный на дефектологию прошлого³. Сам факт уподобления сознания – истории становления сознания – вытесняет за его порог эволюционную идеологию. Благодаря синхронизации проживаемого опыта с его объектно-ориентированными феноменами времени, происходит глубокая ассимиляция постороннего опыта, доходящая вплоть до итеративного возбуждения, сопровождающегося отождествлениями феноменов модуляции сознания с отзеркаленными им объектными образами. Теперь бытие – это не различие, а повторение. Подобную интерактивность существования мы называем восходящей линейностью. Линейное повествование – это принцип эволюционной идеологии.

Семиотика говорит о зависимости от высказанного слова – формально закрепленного знака в жесте, символе, азбуке, знаковой системе, семиозисе, причем не важно, как выстроен кадр, как он сцепляется со следующим изображением в совокупное движение, как значение вплетено в текстуализированную вселенную – все это конституируется предысторией и призвано в формах коллективного творчества экспериментировать над опытом читателя. Ускорение или замедление хода времени, влияющее на восприятие знакового бытия, дает социуму чувство могущества, контроля над событиями, добавим – властью над жизнью и смертью. Знак – это символ творческой эволюции. Индивидуальное восприятие времени чисто номинально и отображает сиюминутные потребности нарциссического самовозвеличивания, афатическое расстройство, в то время как коммуникация изменяет и адаптирует структуру сообщения. Уже на заре психоанализа обыкновенное заикание интерпретировалось последователями сравнительно-индивидуальной психологии в качестве комплекса богоподобия. С помощью неврологического симптома душевнобольные понуждают других приспособляться к собственной, уникальной модели построения диалога. Коммуникация превращается в проблему, подлежащую решению, что противоречит естественному принципу экономии мышления. Это безосновная трата психической энергии на познание чистого диагноза. Каковы его отличительные черты? Несоразмерное смыслу удлинение, растяжение системы речевых сигналов говорят о яркой дезориентации неполноценной личности, стремившейся к превосходству. Чувство ущербности, вызванное психогенным тиком, целенаправленно используется невротиком для извлечения выгоды – концентрации ближайшего окружения на нарушителе речевых норм. Ради психологических и материальных преимуществ больной готов претерпевать побочные эффекты заикания. Как писал А. Адлер в работе «Воспитание детей. Взаимодействие полов», страдающие нервным тиком подростки пользуются «вожделенной популярностью». Они отщепенцы, чье социальное чувство не развито, а стремление к превосходству не востребовано. Коммуникация же обрывает болезненное акцентирование внимания на себе, смещая центр тяжести к ре-интегративным функциям. Получается, теория речевых актов, логический анализ языка – это концептуализация языковой прогрессии, закономерное новообразование, возникшее на месте «свершенной» эволюции. Человек переживает и думает то, о чем пишет и говорит. Он не может выражать, проживать, воспринимать, являться тем, что не содержится в обширном языковом дискурсе, его

³ К сожалению, наш способ логического доказательства истинности изложенного метода анализа ненормальности также включает в себе предположение о предшествующих тезисах, опыте других, оперирующих нашим опытом.

формальном означающем, в противном случае он недоразвит, идиотичен, аутистичен, шизофреничен или психотичен, т. е. патологичен. Патологический процесс означает задействование компенсаторного механизма психики для восстановления нарушенных связей с окружающим. Поэтому неполноценный больной ищет тождественности в неодоушевленном, вне-социальном, сверхприродном мире. Ему недоступно непосредственное включение в аффект. По крайней мере, оно неподвластно Другому, т. е. самообосновано неоспоримым видением деформированной реальности. Обратная цель существования у здорового индивида. Его жизненный порыв – сообщение, письмо Другому, отречение. Как правило, говоривший объясняется не от своего имени, а передает чужое иносказание, переживаемое, как собственное. Его влияние на язык опосредованно, а с ним – и воздействие на жизнь. Фундаментальное творчество свершилось в протоистории, его наследникам остается принять языковой дискурс и совершенствовать коммуникацию. Как показали Дж. Г. Мид и М. Мид, именно коммуникативные акты создают из необразованного животного человека, культуру и цивилизацию. Воспроизводство категориального аппарата служит обеспечительной мерой этой институционализации, вовлеченности индивидов в формирование дискурсивного сообщества. Иной вариант – психотическая продукция неологизмов, произвольных сочетаний разнородных значений в едином патологическом процессе извращенного мышления. Ее основные симптомы – искаженная переработка языково-речевых конструкций, монолог с преобладанием внутренней речи, обращенной в фантазию, и болезненная детализация последней в виде некоторого подобия шизофренического словаря. Так больной отказывает языку в праве на самобытную сущность, внося в терминологию иное, непривычное значение. Первичное отношение следа, оставляемого историческим письмом, стирается. Ненормальный помещает смысл вблизи границы смежных понятий, т. е. приводит к его исчезновению, расслоению и умножению. Сложившиеся ассоциативные связи ничтожатся неясным смещением от одной вещи к другой. В некотором роде патологическим мышлением осуществляется деконструкция стратегического планирования. Упадок мыслей, атактическое замыкание, лабильность понятийного аппарата – все это характеризует некоординируемое расстройство мышления. Проанализировав ряд работ, мы готовы сообщить, что, несмотря на имеющуюся в медицинской литературе градацию неологизмов, они классифицируются по возрастному принципу, т. е. эволюционно: детские – физиологические неологизмы (чаще всего пассивные); поэтические – на грани языкового пространства⁴; стоящие обособленно патологические (активные, с преобладанием пассивных). Куда бы человек ни обернулся, его повсеместно встречает мир как текст. Наряду с этим, психические процессы анализируемого раскладываются на подразделы, которым соответствуют книжные параграфы: ощущения, эмоции, чувства, наконец, восприятие выстроены иерархически. В этом анатомическом учебнике ненормального каждой из модальностей переживания принадлежит конкретная вариация психоневрологических расстройств. Таким образом, эволюционная аргументация обосновывается собственными предпосылками, а отсылка к другому представляет собой бланкетный нормоконтроль.

Вернемся к патологическому рационализму: «Мы можем теперь определить с психологической точки зрения странное поведение... пациента. Его жизненное устремление вместо того, чтобы попытаться соединиться с реальностью, сделало из него в некотором роде *tabula rasa*» [Минковский, 2017, 82]; «Исчезает все богатство и движение... Вместо этого перед

⁴ Об этом свидетельствует особый интерес психиатров к исследованию поэтического творчества.

нами абстрактная формула, определяющая глубоко патологическое поведение индивида... он не может быть самодостаточным. Желание мыслить и действовать, не принимая во внимание ни идеи других людей, ни внешние обстоятельства, ведет в сфере интеллекта к ошибкам, а в сфере практики – к абсурду» [Там же]. Уклониться от абсурда и рационализировать избегающее противоречия поведение – таково заключение экзистенциального анализа. Это негация экзистенциализма. Абсурд, апофеоз беспочвенности исключены из тем экзистенциального анализа. Наиболее четко уклонение прослеживается в сопротивлении⁵ смерти и связанным с ней ассоциативным полям. Именно там размещается и туда тяготеет все «нездоровое», «ложное», «тщетное». На этом фоне утверждение о том, что «связи, соединяющие нас с окружающей средой, бесконечно богаче и имеют великое множество нюансов» [Там же, 84-85], выглядит психически стереотипно. Вертикаль дисциплинарного пространства, подкрепленная эволюционизмом, прививает естественность цикличности⁶ мышления (обсессия) и действия (компульсия). Однако не выходит ли так, что подчинение (колебательное движение к нижним границам) конкретизирует синтонию? «Мы можем пытаться навязать свою волю другому... но в то же время мы также умеем подчиняться» [Там же, 85]. К примеру, больной полагает, что его болезнь началась с насилия над речью, «когда он уступил настояниям своих родителей и был вынужден... высказывать идеи» [Там же], не соответствующие принципам. Вслед за психиатрами мы наблюдаем классическую вереницу симптомов, завязанную на идеях безопасности и социальной изоляции. Но экзистенциальный анализ расширяет узкие рамки симптомов, пропуская в контекст переживание. Озабоченность пациента речью – это чувствительность, восприимчивость к интериоризации Других. И отвращение, вызываемое преподаванием, и чувство, что он «перестал руководить самим собой и подчинился другой личности» [Там же], наиболее тонко иллюстрируют разборчивость в аналитике переживания. Прежде его речь диктовалась собственным установлением, «теперь же, когда он ведет занятия в классе, его голос влечет его за собой, а взгляд против воли сосредоточен на учениках. У него появилось отвращение к преподаванию, так как ему кажется, что его работа и ее принципы навязаны ему директором школы... рождается ощущение, что... его влечет некая внешняя сила» [Там же]. Время сгущается, и душевнобольной материально ощущает интенцию, которая в обыденном сознании проскальзывала незамеченной, связываясь в единый пространственно-временной континуум. Отделение от сознания – интенциональный акт, устремленность к предмету, т. е. натурализация интенциональности. В нормальной феноменологии сознание – это всегда сознание чего-то. Само обстоятельство проявления направленности не вызывает у нас вопросов, когда дело касается повседневных представлений. Но «ненормальный» видит этот минимальный раскол между интенцией и волей, ее воплощающей. Он обнаруживает естественную установку сознания как не данную, а заданную. Патологический рационалист различает ее структуру, когда другие неумышленно исполняют ее нарратив. По нашему мнению, это и есть охватывающее сосредоточенность влечение внешней силой. Тогда эффект управляемости возникает сам по себе. Мы привыкли не замечать зазор, переходную границу, поэтому для нас феноменологическая доктрина примата сознания над чем-то надсознательным и идея о неразрывной длительности переживания и мироустройства абсолютно достоверны.

Существующий ныне экзистенциальный анализ, как и психопатология, замкнулся в цикле

⁵ В психоаналитическом контексте.

⁶ В случае болезни «цикл» вытесняется «фазой».

нарциссического самообеспечения. Тщательному разбору подвергалась ригидность фазы, но не рассматривался в подобном ключе «цикл» как возвращение к однородному переживанию, общности понимания. Универсальное выпадало из аналитического поля. Цель – деклассировать ненормального. Сложившуюся ситуацию с неимоверным сожалением констатирует Л.И. Шестов: «Наша логика, логика людей, добывающих хлеб в поте лица, в корне извратила нашу познавательную способность, приучивши нас думать так, как того требуют интересы земного устройства» [Шестов, 1993, т. 2, 128]. Речь идет не о простой редукции к данности, а о тотальной перестройке объективных условий существования в контексте заданности модальности переживания. Всеохватывающие, общие «законы» задают условия, как если бы они непреложно существовали сами по себе, в отрыве от языкового дискурса, идеологии, дисциплины мышления. В дальнейшем, интерпретируемые как данность и «изначальность», они трансформируются в аксиомы нормального понимания и переживания, хотя, в контексте последнего, они таковыми не являются, представляясь вторичной структурой сознания, элементом самодетерминаций, дисциплинарным аппаратом иерархической соподчиненности. Ввиду сказанного выше допускаем возможность называть проекцию объективного когнитивным искажением, своего рода созерцательной перверсией. Действие, а именно минимум, возводится в оптимум существования. Но «ненормальный» симптомалогически возражает: «Нет законов над человеком. Все для него: и закон, и суббота. Он... всякому положению вправе противопоставить... прямо противоположное» [Там же, 180]. Патологический рационалист Минсковского ощущает свои воззрения «как некую систему, которая (по крайней мере, в интеллектуальном плане) безупречна» [Минковский, 2017, 86], «но на самом деле она деформирует всю его активность и делает его "чужим"... по отношению к окружению и к нам самим» [Там же]. Позднее психиатры отмечают, что предпочли бы любой труд подобному существованию. Таким образом, под нормальной активностью подразумевается прежде всего производственная активность, популяризированная через сопутствующее ей утверждение об «инвестиции в себя», т. е. капитализации личности. В итоге приоритет отдается сознательной целеполагающей инсценировке событий, рентабельности мышления и фантазии. Марксизм подавляет экзистенциализм. Особенно это заметно на поздних стадиях развития экзистенциалистской мысли. Последняя работа Ж.-П. Сартра «Идиот в семье» изобилует утверждениями: «жить – это производить значения» [Сартр, 1998, 24], и в сносках: «это прежде всего работать» [Там же]. Так экзистенциальная максима ответственности уточняется должностной инструкцией, т. е. социальной ролью ангажированного присутствия в Других, надлежащим исполнением общественного договора.

Переносясь в истории больного на 15 лет назад, группа психиатров с самого начала наблюдения замечает серьезность искажения его образа действий, что «сразу же побудило... поставить диагноз» [Минковский, 2017, 80]. Минковский признает: никто из его коллег не смог обнаружить и малейших признаков ослабления или задержки интеллектуального развития, галлюцинаций, бреда. Однако им удалось получить не менее «ценную» информацию: патологическое поведение больного вырисовывалось в ускользании от воздействия инородного инструментария Другого в текстовом или коммуникативном ключе. Возникает впечатление, словно его привычка записывать размышления сводилась к заполнению экзистенциальной пустоты. Но и здесь диагност встречает обратное: «думать может только тот, кому нечего делать, кто "случайными" *par excellence* обстоятельствами выброшен из общего всем мира и, предоставленный себе и только себе, постигает, что истина... не может быть необходимой и общеобязательной» [Шестов, 1993, т. 2, 128]. Л.И. Шестов намеренно выдвигает на передний

план невротическую диспозицию, потенциальную предрасположенность к болезни, парализуя «очевидность». Возможно, он был плохо осведомлен о клинических особенностях того или иного диагноза. Допускаем, что его знание опиралось на частные примеры неврастения и меланхолии. Несмотря на «независимые от воли обстоятельства», он как вольный мыслитель пустил экзистенциальный заряд против течения, дал толчок, необходимый для раскрытия изначальных интуиций свободы. Иными словами, избирательность знания и причинная обусловленность не помутнили его сознания.

К несчастью, практически весь экзистенциальный анализ от раннего Л. Бинсвангера до В. Франкла и М. Босса попал в ловушку тоталитаризма, так называемого «объемлющего». Р. Лэйнг составлял редкое исключение. Он выразил наше «нормальное» неприятие патологии через симптоматику эмоциональной отгороженности, крайней неприязни по отношению к иным фундаментальным структурам существования, их дискредитации посредством подавления и вытеснения. При исследовании ранних работ М. Фуко кажется, будто его интерпретации функциональной роли сновидения следуют в том же ключе, что и общая тенденция психоанализа и психиатрии. Однако, во избежание поспешных выводов, проследим за ходом его мысли до конца: «Пространство первоначально дается... как даль, пропадающая за горизонтом, обволакиваемая расстоянием, которое его стягивает, оно еще и пространство изначальное противостоящих нам вещей... темное или прозрачное для... взгляда... [оно] парадоксально очерчивается открытостью горизонта; а все возможное, что этот горизонт вовлекает, задается по эту сторону, знакомыми и привычными нам вещами» [Фуко, 2015, 156-157]. Близь и даль пространства придают длянущемуся времени объем. Геометрия не исключает, а расширяет переживание, придает ему иную, трансцендентную окраску. Выдержать и принять ее без порицания – таков призыв А. Лэнгле в тезисах о мотивации. Но следует ли слепо удовлетворяться данностью, внося себя в «жизнь»? Мы считаем данный вопрос открытым. Горизонт – ориентировка в будущее из настоящего, задача в определении содержимого ориентирования. «Пространство обозначает мою мощь» [Там же, 158], поскольку оно центрируется, образуя место встречи взаимоисключающих порывов в онтологической укорененности субъекта. Пространство – частная проблема онтологии человека. «Безопасность, которую предоставляет пространство, та крепкая опора, которую она дает моей мощи, основана на взаимосвязи близкого пространства и пространства далекого: далекое пространство – то, в которое мы удаляемся... собираемся исследовать или покорить; близкое пространство — пространство покоя, непосредственного» [Там же]. Ясная перспектива близкого (настоящего) фундирует уверенность. Открытость горизонта подкрепляет твердость, определенность, устойчивость, убежденность, пока она не порывает с очевидным, уносясь в далекую незавершенность, за пределы присутствия, объятий (как удушающих, так и согревающих) бытия. Тогда «совпадение маршрутов, дорог» [Там же, 157] работает в ином направлении, конституируя новый базис переживания. Фуко называет это взаимоподменами близкого и далекого, но нам кажется, что исследуемая область не ограничивается искажающим превращением образов в сходные величины, внедряющим в одно значение противоположное. Онтологическая неуверенность зиждется на ограниченности способностей человека к формированию синтетической картины мира. Она (ограниченность) ведет к «провалу» самопроекта, однако, отнюдь не являясь тенденцией к фальсификации обстоятельств через аналогию. В случае обнаружения себя в далеком, неизведанном пространстве возврат в прежнюю обстановку перестает быть произвольно возможным. Устремление тает, воля заглушается, растерянная от массивного вторжения потустороннего. Поэтому иное

«пространство – знак моей беспомощности» [Там же, 159], и его избегают «нормальные» личности. Тем не менее туда устремлены «ненормальные». Наряду с пограничным пространством неосведомленности сосуществует «ясное пространство, которое простирается перед субъектом, ровное и социализированное... где у каждой вещи есть свое определенное место, связанное с ее функцией и ее предназначением» [Там же, 160]. Это можно связать с характеристикой, данной Б. Паскалем проживаемому времени: «Мы никогда не ограничиваемся настоящим. Желаем, чтобы поскорее наступило будущее, сожалеем, что оно так медленно подвигается к нам... стараемся не видеть его, когда оно приносит нам горе» [Паскаль, 1994, 95]. При удачном стечении обстоятельств мы «думаем располагать вещами» [Там же], ибо «настоящее никогда не составляет нашей цели: прошедшее и настоящее – наши средства» [Там же] в достижении незримого присутствия вечности, или, в эволюционистском контексте, жизни в потомках, чьей-то памяти, т. е. наследственности. «Из вечности делаем ничто, а из ничего – вечность» [Там же]. Паскаль парирует аргументы о возвращении жизни, человеческого бессмертия, слияния с природой. Остается исповедь о потерянном рае единства целостности и красоты, срединного пути, не достигаемого нормальной реальностью. «Единственная цель этого – проводить время, не чувствуя его... [в том числе] горечи и внутреннего недовольства» [Там же, 100]. Такова безысходная зависимость от будущего как реализации настоящего. Близкое пространство соприкасается с далеким, удаляя горизонт. Его осязаемая доступность ничтожит будущее. Происходят инфляция настоящего и оккупация будущего. Человек овладевает социализированной предметностью, удовлетворяясь полученным результатом. Пока рассудок и рациональная интуиция довлеют над бытием, нет нужды в поисках иного опыта. Чем же ответит «ненормальный»? Патологическое ясное пространство – далекое, где все не определено и все возможно. Это «пространство чистой освещенности, где любые измерения, кажется, могут одновременно и фиксироваться, и упраздниться, где все вещи... обретают свое единство не в смещении мимолетных проявлений» [Фуко, 2015, 160]. Фуко приводит пример одной из больных Рюмке, чей опыт состоял из ощущений целостного присутствия миропроекта в мироздании. Видеть «в себе нечто столь огромное, столь спокойное и безграничное, как зеркальная гладь воды» [Там же], переживать «себя как растворяющуюся в этой светящейся прозрачности» [Там же] – значит быть не вполне «в себе» или, наоборот, излишне «вне себя»⁷. Противостояние темноты и освещенности открывает экзистенциальную драму бытия. Оно вводится в вертикальную ось пространства, разворачиваясь в плоскости падения и возвышения, и выступает «вектором существования, утратившего свой очаг на земле и, подобно строителю Сольнесу, собирающегося восстановить наверху диалог с богом» [Там же, 161]. Несоизмеримый с рассудочным прагматизмом абсурд бытия вызывает человека порвать узы привычного и допустимого: «Его зовет наверх тот, кто сжег его дом и похитил его детей, тот, кто хотел, "чтобы у него не осталось ничего другого, к чему можно привязаться, кроме Него"», но проживание не ограничивается бредом воздействия, и испытующий чужеродное, «именно к нему... желает подняться» [Там же]. Тогда материальность ассоциируется с дыханием смерти, насильно притягивающим к земле. Сознание конституирует мир невзрачности, поверхностности, вещной тяжести, угнетающей беспомощностью перед фактичностью. Лишь обращение к мифологии и

⁷ Однако Фуко критически оценивает экзистенциальное пространство патологии, называя его местом «уничтоженной жизни»: «Оно полностью всасывает само себя; уничтожает само себя, вытесняется противоречиями» [Фуко, 2015, 163]. Это клинической обзор феномена воспарения.

магическому мышлению высвобождает зависимую от случайности экзистенцию. Оппозицией «земному» служит сверхреальность, «светящийся, эфирный мир, куда может устремиться абсолютно свободное существование... была бы лишь эта прозрачность, где в вечности мгновения... вся любовь» [Там же, 162-163]. При этом у Фуко пространственная прогрессия – это обструкция на пути подлинного бытия, ибо она исчерпывается в движении. Ритм, возвещающий о повторении, также свидетельствует о ложной надежде на подлинность. Для мыслителя остается движение взлета и падения [Там же, 168], где схватывается темпоральность в ее исконном видении. Но не является ли проживание времени направленностью пребывания? Вектором относительно голой неподвижности? Если дело обстоит именно так, тогда хронология не аннулируется, но проектируется. Это не обязательно историческая хронология, устанавливающая лишь факты в их соотношении с другими, но такая хронология, которая сопрягает экзистенциальное пространство в особом конститутивном построении существования и не-существования. Кажется, Фуко и сам это понимает, когда пишет, что «больная не принимает грядущее обретение... полноты... Смерть (она уже переживает ее) вписана в тело, которое стареет и которое каждый день прибавляет в весе» [Там же, 167]. Это переживание длилось тринадцать лет, скомканных в маленькую точку посреди безмерного, очерчивающего Другим пределы мира. Экзистенциальный вакуум, возникший вокруг пациентки, несомненно, причинял ей немало страданий, но, как показала история этой женщины, большинство врачей стремилось только к купированию симптоматики – этому излюбленному психиатрическому методу прерывания «ложного Я» (по К. Роджерсу), но не проникновению в элементы ее переживания. Сам автор «ложного Я» попался в сей процессуальный капкан, когда начал утверждать о знании истинных чувств и истинного автономного «Я» нашей душевнобольной. Фиксация на диагностике вносит презумпцию двойной аномальности, и экзистенциальный анализ превращается в клиническое описание, справочник МКБ, DSM и т. п. Фонографический текст, впервые используемый Роджерсом, протоколирование диалога – лишь «симптом» этого упадка. Он считал, что преодолел субъективность, однако, лишь породил экзистенциальную пустоту, впуская в диалог пресловутую концепцию объективности. Его дословное описание терапевтической сессии отображало обобщенный опыт диагностики, развитый классической психиатрией XIX в. Мы имеем в виду дискурс наблюдателя. А экзистенциальное пространство бедной Эллен Вест осталось непонятым. Как писал Фуко, она «одновременно в желании смерти и в мифе второго рождения... уже несет знак того суицида, в котором... должна будет достигнуть реализации своего существования» [Там же, 162]. Нормальный принял как факт «объективные» обстоятельства, указующие на недостижимость растяжения индивидуального пространства до все-мирового горизонта и сгущения существования в вечности. Душевнобольной однажды приблизился к нему (= ощутил ее в предвосхищении). Не так уж важно, была ли это галлюцинация, бредовая идея, сопряженная с сенестопатиями, экзистенциальный кризис, эпилептическая «аура» или затяжная депрессия. Перед врачом родился новый факт – ненормального уже ничто не остановит на пути в непознанное. Клинически в этом абсурдистском акте отрицания прослеживается расщепление восприятия, экзистенциально оно (отрицание) единственно достоверное настоящее, место соприкосновения разрозненных идей в законченном мотиве. Как говорит Фуко, «в этом доминировании присутствия смерти как неизбежной угрозы будущее высвобождается во всей своей полноте... существование больше... не примиряется одновременно со своим одиночеством и своей фактичностью... напротив, посредством него существование отрывается от всего, что фундирует его как конечное. Будущее, к которому оно устремлено, – это не будущее

существования в мире, но... за пределами мира... в нем границы, в которых замыкается его полнота, полностью разрушены, и она достигает чистого существования в вечности. Разумеется, пустой... лишенной содержания, «дурной вечности», подобной дурной субъективной бесконечности» [Там же, 169].

Как и полагал Бинсвангер, в ряде случаев реализация проекта, осуществление действительности возможно только через самоубийство. Но он упустил, что оно знак захваченной фактичностью экзистенции, отвергнутой языком и мышлением, и конечная ее реализация. Это замурованная рабисвобода человека от человека, перспективного от нормативного, бытия к смерти как бытия-для-себя. В смерти и через нее раскрывается его характер, просыпается личное начало, затронутое кризисом непрерывного становления. Как отмечал М. Хайдеггер, «никто не может отнять у другого его смерть». Поступок Эллен Вест – неприемлемое нарушение «правды жизни» в угоду чего-то невзрачного, «ошибочного», и все же он свершается, доминируя в отдельном существовании. Для психолога или психиатра это тотальный крах, его проект не реализован, сам он не состоялся в контакте с пациентом. Последний утратил самость, распался из-за упрямства, своеуравия, мотивов жадности, превращенных (по мнению психологии) в честолюбие, гордыню, со-существование, симбиоз вместо положенного «нормальному» бытия-совместно-друг-с-другом⁸. Контролер (терапевт) хочет убедить себя, что «душевнобольной» изначально шел по ложному пути, заблуждался, поддавался бессознательному, комплексам, когнитивным искажениям, а он – врач или аналитик – поступал правильно, этически приемлемо, и не его «работа» привела к «неудаче». Пациент впал в болезнь, преградил здоровое развитие, вызвав психическую импотенцию, запруживание либидо, или отказался от мира (в «ложном» ключе). Любой его выбор – кроме «мужества быть» – беспочвен, жизненно не обоснован. Когда же подопечный затрагивает фигуру аналитика, тот моментально дистанцируется, заявляя: «Ваши слова – суть проекции внутреннего разлада». Он просто обязан остаться неприкасаемым для сохранения авторитета и социальной объективности. Так, терапевт высказывает предположения, не замечая, как пытается ускользнуть от бремени определения Другим, его волевых актов за границей конвенциональной морали. Примером подобного воздействия на сознание ненормального выступает изначальное значение термина «амбивалентность». Введенное Э. Блейлером определение было глубоко патологизировано. Двойственное (расщепленное) отношение/переживание рассматривалось в качестве ведущего признака тяжелой формы шизофрении, т. е. распространялось исключительно на психиатрическую сферу. На настоящий момент однополярность значительно чаще интерпретируется как возможная идеализация, обесценивание Другого или расщепление Эго, а амбивалентность представляется вполне нормальным состоянием психики, нежели фрагментом сугубо клинического явления. Поэтому конфликт интерпретаций, зреющий в русле психопатологии, столь показателен при решении вопроса об истоках диагноза, исследовании причин возникновения той или иной сопутствующей заболеванию склонности пациента, в том числе терапевтических перегибов, вплоть до взаимоисключающих тенденций лечения и понимания (либо его полнейшего отсутствия).

Таким образом, последующие за Бинсвангером многократные разборы и пересмотры случая Эллен Вест нуждались лишь в небольшом изменении психической установки исследователей. Следовало подавить обсессивное требование оценки и дать возможность высказаться бытию.

⁸ Последнее можно расценивать как отрицание смерти в коллективном фантазировании.

Однако как психиатры, так и аналитики предпочли медицинскую классификацию, умещенную в каталог ее переживаний. И практически никто, включая современных экзистенциальных аналитиков, не спросил, как она сама, экзистенция гибнущего человека без фиктивной подстановки эго-синтонного и эго-дистонного, без привнесений гносеологического толка, без упора на чувства стыда, долга, ответственности, т. е. «социального налогообложения» и т. п., переживала последние дни. Нужен ли был ей еще один шанс «мужества» жить? Эта «невзрачная» услуга витализму? Считается ли суицид Эллен Вест тем, что В. Франкл назвал «уступить условиям»? Или это совершенно противоположное, чрезвычайное происшествие? Всегда ли стремление умереть – условный акт болезненного произвола, порицаемый теориями общественного благополучия, а не подлинное завершение становления? Психолог выскажет очевидное. Элементарным примером его мировоззрения послужит диалог пары лиц из романа Сартра «Дороги свободы»: «Поставьте себя на ее место... Она злится на нас, потому что мы готовимся быть убитыми или ранеными! Она считает, что раненым недостает такта, потому что они вынуждают других думать об их теле. Она называет это физиологичным. А физиологию и у себя, и у других она ненавидит. – Экая милашка, – усмехнулась Одетта. – И все это совершенно искренне, – сказал Матье. – Она целыми днями не ест, потому что процесс еды вызывает у нее омерзение. Когда ночью ей хочется спать, она пьет кофе, чтобы взбодриться. Одетта не ответила; она подумала: "Хорошая порка – вот что ей нужно"» [Сартр, 1997, т. 2, 25-26]. Для психиатра картина ясна, как и нам очевидна его позиция. Познание и понимание концептуализируются психотерапевтическим лечением, при тяжелых расстройствах – ударными дозами медикаментозной терапии, приравниваясь к феноменологическому постижению Другого.

Заключение

Есть некоторая доля вероятности того, что в критическом возражении, патетической лирике, нападках на «патологию» латентно выражается вопль творца, упустившего творение в своей свободе, аргументационная инсинуация атипичного переживания. За ощущением индивидуальной беспомощности, возможно, вины, он – созидатель нормы, анонимный демиург – выступает реципиентом и проводником институциональной агрессии в отношении ненормальных. Поэтому неосуществление столь тягостно, особенно если альянс, заключенный с аналитиком⁹ или терапевтом, был достаточно продолжителен, корректировка длилась не один год, чтобы оборваться в один миг, обращая институцию в ничто. Ничтожение – терапия свободы, она же источник страдания. Современные психотерапевты решаются купировать симптомы, аналитики – реконструировать оценочный фонд. Цель в широком смысле – сохранение и продолжение. Эволюция. Следовательно, в биологическом уклоне суицид – это вывод из синдрома, несостоятельность особи¹⁰, ноогенный невроз либо фундаментальная неудача становления. Так ли это на самом деле? Ответ к нам приходит лишь посмертно. Пока нам остается принять как данность альтернативный исход событий и помнить, что никакие эволюционные уловки не избавят нас от чувства гордыни нормальностью, неосознанного патернализма.

⁹ Символической фигуры отца или матери.

¹⁰ Как нам видится, сходная аргументация основывается на защитной схеме психологического обесценивания Другого и носит компенсаторный характер.

Библиография

1. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Практическая патопсихология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 448 с.
2. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб.: Наука, 2001. 568 с.
3. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1989. Т. 89. № 6. С. 86-92.
4. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук, 1997. 384 с.
5. Минковский Э. Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования. М.: Городец, 2018. 496 с.
6. Минковский Э. Шизофрения. Психопатология шизоидов и шизофреников. М.: Городец, 2017. 208 с.
7. Паскаль Б. Мысли. М.: Рефл-бук, 1994. 528 с.
8. Сартр Ж.-П. Дороги свободы. Харьков: Фолио, 1997. Т. 2. 398 с.
9. Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857. СПб.: Алетейя, 1998. 648 с.
10. Фуко М. Ранние работы. СПб.: Владимир Даль, 2015. 287 с.
11. Шестов Л.И. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 558 с.

The correlation of lived time and space with the discipline of thinking, feeling, and experiencing in evolutionist discourse

Kirill V. Kyanganen

Master of Philosophy,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620002, 19 Mira st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: Kirill.kyanganen@gmail.com

Abstract

The article deals with the analysis and evaluation of the influence of evolutionist discourse on the formation of ideas about the normal living experience, and the purposeful impact on the abnormal by excluding and removing their pathological perception of time and space beyond the boundaries of life. The normative nature of healthy living time is reflected in the concept of activity, described by the author as a projective identification with the object reality and a compulsive need for its active transformation. Evolution and chronology are identified. Positive obsession, which is responsible for the development of social interactions, manifests itself mainly through the strategy of existence and communication. The communicative space created by the human community gradates the discipline of thinking, feeling and experiencing, distributing the life potential of the individual in accordance with the requirements of the Other. As a result, the message turns into a circular reference. The reason for this permanent dynamism is seen in the initial sense of vulnerability and helplessness caused by the fear of death. On the basis of the above, two statements are put forward: 1) the goal of normality is to banish any contradiction, that is why it is unable to understand and accept other fundamental structures of existence; 2) the communication systems developed in the discursive community serve to provide evolutionary argumentation. The author concludes that the main mechanism used by the evolutionary discourse against the mentally ill is to devalue their experience. It is based on two a priori synthesizing principles: the temporal continuity of thought and the sequence of action, which together express the nature of a healthy living experience.

Kirill V. Kyanganen

For citation

Kyanganen K.V. (2021) Korrelyatsiya prozhivaemogo vremeni i prostranstva s distsiplinoi myshleniya, chuvstvovaniya i perezhivaniya v evolyutsionistskom diskurse [The correlation of lived time and space with the discipline of thinking, feeling, and experiencing in evolutionist discourse]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (1A), pp. 178-193. DOI: 10.34670/AR.2021.63.24.003

Keywords

Existence, evolution, time, space, being, pathology.

References

1. Bleikher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N. (1996) *Prakticheskaya patopsikologiya* [Practical pathopsychology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
2. Campbell J. (1949) *The hero with a thousand faces*. Pantheon Books. (Russ. ed.: Campbell J. (1997) *Tsyachelikii geroi*. Moscow: Refl-buk Publ.)
3. Darwin C. (1859) *On the origin of species by means of natural selection*. London. (Russ. ed.: Darwin C. (2001) *Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora*. St. Petersburg: Nauka Publ.)
4. Foucault M. (2015) *Rannie raboty* [Early works]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
5. Kudryavtsev I.A., Safuanov F.S. (1989) Patopsikologicheskie simptomokompleksy narushenii poznavatel'noi deyatelnosti pri psikhicheskikh zabolevaniyakh: faktornaya struktura i diagnosticheskaya informativnost' [Pathopsychological sets of symptoms of cognitive disorders in mental diseases: the factor structure and diagnostic informativeness]. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [Korsakov journal of neuropathology and psychiatry], 89 (6), pp. 86-92.
6. Minkowski E. (1953) *La schizophrénie: Psychopathologie des schizoïdes et des schizophrènes*. Paris. (Russ. ed.: Minkowski E. (2017) *Shizofreniya. Psikhopatologiya shizoidov i shizofrenikov*. Moscow: Gorodets Publ.)
7. Minkowski E. (2013) *Le temps vécu: études phénoménologiques et psychopathologiques*. Paris. (Russ. ed.: Minkowski E. (2018) *Prozhivaemoe vremya. Fenomenologicheskie i psikhopatologicheskie issledovaniya*. Moscow: Gorodets Publ.)
8. Pascal B. (1670) *Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*. Paris. (Russ. ed.: Pascal B. (1994) *Mysli*. Moscow: Refl-buk Publ.)
9. Sartre J.-P. (1976) *Les chemins de la liberté*, T. 2. Gallimard. (Russ. ed.: Sartre J.-P. (1997) *Dorogi svobody*, Vol. 2. Kharkiv: Folio Publ.)
10. Sartre J.-P. (1983) *L'idiot de la famille*. Gallimard. (Russ. ed.: Sartre J.-P. (1998) *Idiot v sem'e. Gyustav Flober ot 1821 do 1857*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.)
11. Shestov L.I. (1993) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.